

АЛА 18
ШКАФЪ 131
ЮЛКА 4
№ 84-95

КІЙ ТЕАТРЪ.

ПОЛКА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

или

БАЛЪ У ТАНЦОВАЛЬНАГО УЧИТЕЛЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

П. И. Григорьева.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА М. О. ВОЛЬФА,
ТИПОГРАФА ИМПЕРАТОРСКИХЪ САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, № 18, 19 и 20.

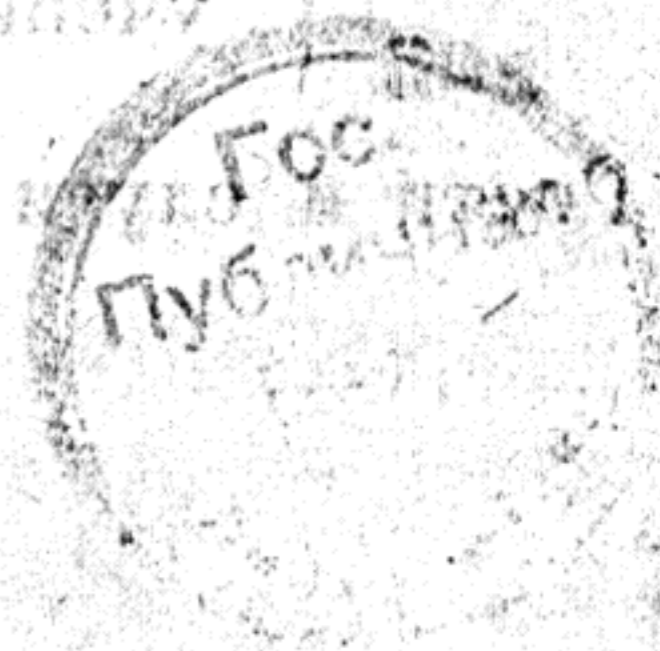
МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

ПОЛЬКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

ИЛИ

БАЛЬ У ТАНЦОВАЛЬНАГО УЧИТЕЛЯ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ВОДЕВИЛЬ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

**Казимиръ Казимировичъ Прыгункевичъ, танцовальный учи-
тель.**

Иванъ Ивановичъ Свистуновъ,

Евсейъ Авдѣичъ Морошка,

Савва Саввичъ Трескотухинъ,

Александръ Ефимычъ Скачковскій,

Марья Семеновна, жена Свистунова.

Варвара Андрѣевна, жена Морошка.

Елизавета Васильевна, жена Скачковаго.

Надежда Алексѣевна, жена Трескотухина.

**Татьяна Прокловна Кубышкина, старая дама, теща Скач-
коваго.**

Захаръ Кудимовичъ Толстяковъ.

Ванька, слуга.

1-й

2-й

} ученики Прыгункевича.

Гости и слуги на балѣ.

Дѣйствіе первое.

Театръ представляетъ богатую гостиную въ домѣ г. Скачковскаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

Свистуновъ почти лежитъ на диванѣ, куритъ папироску и пьетъ кофе. Трескотухинъ, ходитъ скорыми шагами изъ угла въ уголъ. Морошка, сидитъ на противоположной сторонѣ, читаетъ газету и также прихлебываетъ изъ чашки.

Свистуновъ. Что ни говори, господа а всякое двуногое созданіе имѣетъ свои слабости. Вотъ, на примѣръ, я ужь какъ хотите, а послѣ хорошаго обѣда, смерть люблю вотъ этакъ — на полчаса протянуть ножки, и дать себѣ льготу прелесть! ничего не дѣлать! ни о чемъ не думать, презрѣть весь шаръ земной и даже забыть на полчаса супругу Марью Семеновну... просто васлаженіе! *(пуская изо рта дѣмъ).*

Трескотухинъ *(самъ съ собою).* Фу, какъ ни стараюсь слѣдовать предписаніямъ доктора, а съ друзьями на обѣдѣ, при всемъ моемъ несчастіи всегда, выйду изъ себя

и наѣмся, какъ чортъ знаетъ кто! (*рассаживаетъ по комнатамъ*).

Морошка (*читаетъ*). Гмъ! Престранный, пренерѣшительный характеръ у марокскаго султана.

Свистуновъ (*не слушая его*). Какъ вѣдь это здорово, прелесть!

Трескотухинъ (*также*). И самъ теперъ чувствую что это мнѣ вредно, но что прикажите дѣлать? не могу остановить себя.

Морошка (*прихлебывая изъ чашки*). Да, должно быть прехищный народъ—эти господа марокканцы. А? какъ вы думаете, Савва Савичъ? вѣдь посмотрите, рады, кажется съѣсть любаго человѣка.

Трескотухинъ. Да, Евсей Авдѣичъ! алчность губить много порядочныхъ людей, фу! ужь у меня это такъ въ природѣ, и Надежда Алексѣевна удерживаетъ меня отъ этой слабости, но видно ей не подѣ силу. Однако гдѣ же Александръ Ефимычъ? онъ послѣ сытнаго обѣда хотѣлъ еще насъ попотчивать какимъ-то пріятнымъ развлеченіемъ.

Морошка. Да, да, погодите, онъ точно что-то затѣваетъ, да боится чтобъ намъ наши женушки не помѣшали, ну вотъ и хлопочетъ тамъ усадить ихъ всѣхъ около своей тещи и чѣмъ нибудь занять.

Трескотухинъ. А! значить онъ затѣваетъ что нибудь секретное? Это я люблю. Однако что же это за затѣя? (*обращаясь къ Свистунову*) Иванъ Иванычъ! ты вѣрно знаешь? а?

Свистуновъ (*самъ съ собою, выпуская часто дымъ*). Я знаю только одно, когда поѣшь, попьешь, воротишься домой, и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ.

Трескотухинъ. Да полно, братецъ, погружаться въ эту азіатскую нѣгу. Послѣ сытнаго обѣда полезнѣе всего сдѣлать хорошій моціонъ. Пойдемъ къ Излеру, я тебя обыграю на билиардѣ.

Свистуновъ. Нѣтъ, mon cher Александръ Ефимычъ

уходя къ тещѣ, шепнулъ мнѣ, что нынче предстоитъ намъ моціонъ другой, особенно пріятный: такъ надо поберечь себя и свои ножки. Эхъ, чудный малый этотъ Александръ, вотъ истинный другъ! живетъ отлично, всегда весель, кормить друзей удивительно, жена молодая и такъ интересна, такъ любезна, что чортъ возьми, я чуть съума не схожу отъ зависти.

ТРЕСКОТУХИНЪ. Неужли? такъ значить твоя Марья Семеновна, тебѣ рѣшительно надоѣла?

СВИСТУНОВЪ. Н—нѣтъ—не то что надоѣла, этого я не скажу, — а такъ черезчуръ ужъ приглядѣлась, ужъ не чувствуешь къ ней того—что называется влеченія—то, была хороша, а ужъ теперь Богъ съ ней, сигарка лучше.

ТРЕСКОТУХИНЪ. Слышите, Евсѣй Авдѣичъ? Вотъ какъ онъ варварски цѣнить свою милую оборожительную Марью Семеновну.

МОРОШКА. Охъ, господа, вы опять таки начали объ этомъ чувствительномъ предметѣ. Полноте! По моему лучше ужъ читать о марокскихъ дѣлахъ, чѣмъ разсуждать о женахъ.

ТРЕСКОТУХИНЪ. Да помилуйте, онъ завидуетъ другому, а его жена—такое сокровище, что просто я бы отдалъ полжизни за одинъ ея нѣжный взглядъ! Ей-богу!

СВИСТУНОВЪ. Впрочемъ, друзья не надо отчаяваться въ жизни надо привыкать и къ женамъ и ко всякимъ глупостямъ; тысячи мужей найдутся, которые еще и намъ позавидуютъ.

ТРЕСКОТУХИНЪ. Поэтому выходитъ, что Александръ Ефимычъ счастливѣе насъ всѣхъ составилъ свою карьеру.

СВИСТУНОВЪ. Именно, онъ въ сорочкѣ родился, у меня давно зубы горять, глядя на его супружеское счастье.

МОРОШКА. Ахъ! и у меня бы горѣли—да нѣтъ ужъ и рукой махнулъ! боюсь Варвары Андрѣевны.

ТРЕСКОТУХИНЪ. А! да вотъ онъ счастливецъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢже и Скачковскій.

Скачковскій (*съ досадою*). Что за несносная женщина! съ нею просто жить невозможно!

Всѣ. Вотъ тебѣ разъ, и онъ тоже!

Трескотухинъ. Какъ? и ты не доволенъ женой?

Скачковскій. Нѣтъ, не женой—а тещей! друзья мои! ради Бога, избавьте меня отъ этой сварливой старухи! Она у меня весь домъ вверхъ дномъ ставитъ! Что бы я не затѣялъ, она непременно помѣшаетъ! чего бы ни попросила жена, теща вмѣшается и разстроитъ! Ужасное положеніе! Какъ я завидую тому, у кого нѣтъ тещи! въ этомъ отношеніи, всякій мужъ счастливѣе меня!

Свистуновъ. Слышите, господа? ха, ха, ха! Значитъ у всякаго свое горе! (*встаетъ*). Представь же себѣ: а я сейчасъ только завидовалъ твоему счастью.

Трескотухинъ. А я, братецъ, какъ на грѣхъ сталъ завидовать блаженной долѣ Ивана Иваныча.

Морошка. А я завидую Саввѣ Савичу!

Скачковскій. Помилуйте, господа! что тутъ за шутки! помогите мнѣ лучше развязаться съ этой почтенной Татьяной Прокловной; докажите, что вы мнѣ истинные друзья.

Морошка и Трескотухинъ. Съ большимъ удовольствіемъ!

Свистуновъ. Да отчего у тебя съ ней такъ не ладится?

Скачковскій (*заглядывая въ боковыя двери*). Отчего! да можно ли тутъ ладить? теща моя просто—боюсь не подслушала бы—просто сатана въ двухъ-этажномъ чепчикѣ! Ей-богу! рѣшительно какъ змѣя отравляетъ все наше счастье! Вообразите себѣ: хочеть чтобъ я ужъ теперь съ женой жилъ совершеннымъ пустыннымъ! есть-ли тутъ смыслъ?

Мы оба такъ молоды, хотимъ повеселиться, и именно сегодня сговорились было поучиться танцовать польку; ваши жены этому обрадовались, моя также, и вдругъ что же? варварская старушечья скупость Татьяны Прокловны разрушила всѣ наши планы. *(подражая голосу старухи)* Помилуй, батюшка! ты, кажется хочешь разорить и дочку мою и себя! Да кого ты въ Питеръ удивить хочешь? И къ итальянцамъ—то катаешься и французамъ—то посѣщаешь и балы то задаешь, и отъ какой—то польки съума сходишь. Да еслибъ я это знала, да помилуй меня Богъ, да что ты это? *(своимъ голосомъ)*. Чортъ знаетъ, что за сварливая бабенка!

СВИСТУНОВЪ. Э, топ сег, попадись на мои руки такая теща, я бы ей доказалъ какво имѣть дѣло съ молодымъ зятемъ.

ТРЕСКЕТУХИНЪ. Да, я бы съ досады такую выкинулъ штуку, что она навсегда прикусила бы язычекъ.

МОРОШКА. Резонъ! это зло вамъ надо пресѣчь въ самомъ зародышѣ, иначе, отъ нея вамъ житья не будетъ.

СКАЧКОВСКІЙ. Благодарю васъ за совѣты, друзья мои, именно я ужь давно собираюсь свергнуть иго этой скаредной опекуни. Хорошо же; я никогда не былъ сумасброднымъ, отчаяннымъ повѣсой, но если эта старуха выводитъ меня изъ терпѣнія, я пущусь на всякія глупости. Я теперь такъ взбѣшенъ, что—господа! хотите я съ горя велю бутылочку шампанскаго?

Всѣ. Прекрасно! очень рады!

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и слуга, съ письмомъ.

СЛУГА. Баринъ! къ вамъ письмо по городской почтѣ.

СКАЧКОВСКІЙ. Хорошо! *(беретъ письмо)*. Подай бутылку шампанскаго! Живо! Отнынѣ что бы ни случилось все буду дѣлать на зло Татьянѣ Прокловнѣ! *(распечатавъ)*

письмо и читая про себя, говоритъ) А! кстати! браво! какъ я радъ! чудесно! буду—непремѣнно, на зло тещѣ буду! *(обращаясь къ другимъ)* Ну, господа, кто хочетъ сегодня повеселиться вдоволь. Преудобный случай.

С в и с т у н о в ъ. Гдѣ? когда? сдѣлай милость! я готовъ!

Т р е с к о т у х и н ъ. И я не прочь, лишь бы сдѣлать добрый моціонъ.

М о р о ш к а. Охъ, жизнь и мнѣ такъ наскучила, что я также радъ бы хотъ взглянуть на веселую бесѣду.

С к а ч к о в с к і й. Такъ слушайте же, вотъ чудесный случай потѣшить себя и отомстить моей скаредной тещѣ. *(читаетъ вслухъ)* «Любезнѣйшій, высокопочтеннѣйшій и добрѣйшій Александръ Ефимовичъ, ко мнѣ на дняхъ пріѣхалъ изъ Парижа добрый веселый пріятель, который въ совершенствѣ научилъ меня танцовать парижскую польку: Женатые и холостые господа всѣ съ восторгомъ ухватились теперь за этотъ граціозный танецъ, а потому нынче по желанію многихъ учениковъ, я даю въ моемъ заведеніи для избранныхъ маленькій балъ. Если же кто, желая научиться, не хочетъ быть узаннымъ, тотъ можетъ явиться по маскарадному въ маскѣ. Предлагая свои услуги, остаюсь, вашъ бывшій танцевальный учитель

Прыгункевичъ».

С в и с т у н о в ъ. Браво! ѣду, ѣду!

Т р е с к о т у х и н ъ. Такъ и меня возьмите, я хочу сдѣлать моціонъ.

С к а ч к о в с к і й. Прекрасно! А вы, Евсѣй Авдѣичъ?

М о р о ш к а *(потирая руки)*. Охъ, хотѣлось бы и мнѣ растрясти горе супружеской жизни, да боюсь моей Варвары Андрѣевны—я ей всегда толкую о смиреніи и нравственности.

С в и с т у н о в ъ. Какъ тебѣ не стыдно, братецъ! я ничего не боюсь!

Т р е с к о т у х и н ъ. Полно! пойдѣмъ! вѣдь мы не ша-

лить, не кутить хотимъ, а учиться, сдѣлаемъ славный моціонъ.

Скачковскій. Разумѣется. Если намъ не дають веселиться у себя дома, такъ можно въ гостяхъ. А когда постигнемъ всѣ тайны этой польки, тогда ужь передадимъ и женамъ.

Свистуновъ. Да что долго толковать, онъ поѣдетъ.

Морошка. Право, боюсь, господа—вѣдь моя жена, вы не знаете что это такое.

Трескотухинъ. Да никто объ этомъ не узнаеть, мы подь масками сохранимъ инкогнито.

Скачковскій. Именно, именно—нарядимск всѣ и ба-ста! *(въ это время слуга приноситъ шампанское)*. Выпьемъ скорѣе за будущіе успѣхи, и маршъ на ученье *(всѣ пьютъ)* Ванька! сію минуту безъ шума чтобъ была заложена коляска. Слышишь? бѣги!

Слуга *(ставя подносъ)*. Слушаю-съ! а куда изволите ѣхать?

Скачковскій. Не твое дѣло! Пошелъ!

Слуга. Слушаю-съ! *(убѣгаетъ)*.

Свистуновъ. Да здравствуетъ пріѣзжая полька! *(пьетъ и напѣваетъ мотивъ польки)*.

Трескотухинъ. Да! надо только хорошенько вникнуть въ нее, должно быть можно сдѣлать славный моціонъ.

Скачковскій. Да ужь парижане не даромъ отъ нея съума сходятъ—она тамъ рѣшительно во всѣхъ обществахъ свирѣпствуетъ ужасно! Не будемъ же терять золотого времени и теперь отправимся вмѣстѣ выбирать маски.

Свистуновъ и Трескотухинъ. Ыдемъ! Ыдемъ!

Морошка *(взявъ шляпу)*. Ну, Варвара Андрѣевна! отъ твоего русскаго характера, я ужь поневолѣ обращаюсь къ полькѣ. *(опомнясь)*. Однако постойте, постойте, господа—чтобъ не вышло катавасіи, надо распорядиться такъ, чтобъ жены не имѣли никакого подозрѣнія. Если мы уѣдемъ не сказавши, онѣ какъ разъ подымуть исторію: куда

за чѣмъ? къ кому? на долго—ли? Лучше ужь придумать какуюнибудь важную, серьезную причину и сказать имъ.

Скачковскій. Такъ вотъ что: я думаю всего лучше увѣрить ихъ, что насъ вдругъ потребовали на службу.

Свистуновъ. Э! моя жена этому не повѣритъ! ей гзвѣстно, что мнѣ на службѣ не дають никакого дѣла, а лучше вотъ что: скажемъ, что у нашего столоначальника вдругъ будто бы сдѣлся пожаръ.

Трескотухинъ. Вотъ выдумалъ! а какъ онѣ всѣ захотятъ ѣхать съ нами смотрѣть, что тогда? вѣдь жены прелюбопытныя штуки! Нѣтъ ужь, лучше всего сказать имъ, что я боленъ и всѣ для компаніи отправляемся сдѣлать добрый моціонъ.

Морошка. Нѣтъ, нѣтъ, глядя на васъ Савва Саввичъ, онѣ вѣрно усомнятся, а можетъ быть также захотятъ съправиться вмѣстѣ.

Скачковскій и Свистуновъ. Такъ что же имъ сказать?

Морошка. Гмъ! позвольте—что бы такое почувствительнѣе? чтобъ эта полька насъ послѣ не посадила въ дураки. Ахъ, да вотъ предлогъ; помните, мы за обѣдомъ нынче говорили, что нашъ другъ и сослуживецъ Захаръ Кудимычъ Толстяковъ совсѣмъ умираетъ?

Всѣ. Да, да! помнимъ!

Скачковскій. Мы давно у него не были, и я завтра собирался навѣстить его.

Морошка. И не нужно. Мы лучше скажемъ, что ужь сегодня Захара Кудимыча похоронили, и что мы, какъ друзья и сослуживцы, помня его дружбу, дали торжественную клятву три вечера кряду посѣщать его могилу.

Всѣ. Bravo! романическая галиматья!

Морошка. Ну, да! прикинемся огорченными или восторженными друзьями, заговоримъ о грѣхахъ, о данной клятвѣ, да и отправимся изучать польку.

Скачковскій (*смотря направо въ дверь*). Прекрасно!

Ахъ! да вотъ и моя Лизанька зачѣмъ-то спѣшитъ сюда. Ну, господа, принимайтесь за комедію. *(Начинаетъ серьезно ходить по комнатѣ. Свистуновъ садится и начинаетъ платкомъ отирать слезы. Трескотухинъ въ углу вздыхаетъ громко, и задумывается. Морошка также садится и закрываетъ лицо обѣими руками)*. Пожалуйста только не очень фарсите и не уморите меня своими гримасами.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Елизавета Васильевна.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА *(весело)*. Александръ! Александръ! радуйся! мы почти уговорили маменьку, чтобъ она позволила намъ сегодня танцовать. Пойдемъ къ ней, мой другъ, пособи намъ.

СКАЧКОВСКІЙ *(очень серьезно)*. Ахъ, душечка, оставь меня! маменька твоя самая сумасбродная женщина! Теперь ужь не до танцевъ, мы получили самое ужасное извѣстіе и всѣ поражены глубокою печалью! *(ходитъ по комнатѣ)*.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Какъ! что такое? какое извѣстіе? *(осматривая вслѣзъ)*. Что съ вами, господа?

ТРЕСКОТУХИНЪ. Ахъ!

СВИСТУНОВЪ *(самъ съ собою печально)*. О! бѣдный другъ! Кто бы ожидалъ! Во цвѣтѣ лѣтъ, полный надеждъ и вдругъ! О! *(утирая слезы)*. Это ужасно!

МОРОШКА *(подражая другимъ)*. О, суета суеть! *(глядя на небо)*. Неужели мы всѣ тамъ будемъ?

ТРЕСКОТУХИНЪ. Прощай, Захаръ Кудимычъ! ты теперь навѣрно въ горнихъ селеніяхъ.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛЬЕВНА. Да что это значитъ, господа? Въ самомъ дѣлѣ всѣ какъ убиты!

СКАЧКОВСКІЙ. Ахъ, перестань пожалуйста! въ томъ то и бѣда, что мы еще пока существуемъ, а тотъ котораго

мы такъ любили... прощай! займи гостей; мы сейчасъ ѣдемъ.

Елизавета Васильевна. Что? ты ѣдешь, когда мы собираемся повеселиться? да объясни пожалуйста.

Скачковскій *(трагически)*. Ахъ, не спрашивай! Я не могу привыкнуть къ этой мысли. Вообрази себѣ! нашъ другъ и сослуживецъ Захаръ Кудимычъ, о которомъ мы говорили за обѣдомъ... это ужасно!

Елизавета Васил. Ну, ну?

Скачковскій. Мы опоздали. Сейчасъ къ намъ пришло извѣстіе, что ужь сегодня его похоронили. *(закрываетъ лицо платкомъ)*.

Елизавета Васил. Возможно-ли?

Скачковскій. Да, дружечекъ, и говорятъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

Свистуновъ *(также)*. Да, страшно! Не даромъ въ «Разбойникахъ» Карлъ Мооръ, говоритъ своимъ товарищамъ «смерть разить всѣхъ! инаго постигаетъ она на мягкомъ ложѣ, инаго въ пламени сраженія, инаго на колесѣ».

Морошка. Увы! а Захара Кудимыча смерть подкосила—на сѣнной!

Елизавета Васил. Ахъ, какое неожиданное несчастіе! Такъ куда же ты теперь хочешь ѣхать.

Скачковскій. Куда? Ахъ, не спрашивай! мы въ отчаяніи, что не успѣли съ нимъ проститься, за то сейчасъ дали торжественную клятву исполнить послѣдній долгъ дружбы, то есть, три вечера кряду посѣщать могилу Захара Кудимыча!

Трескотухинъ, Свистуновъ и Морошка. Да, да, поѣдемъ.

Елизавета Васил. Какъ? что вы! вечеромъ на могилу? да это ужасно! Александръ! я тебя не пущу—ей-богу не пущу!

Морошка. Ахъ, матушка, въ этомъ-то и состоитъ вся

важность нашей клятвы. *(особо)* Боюсь, чтобы Варварушка не прибѣжала,

В с ъ. Да, да, поѣдемте!

С в и с т у н о в ъ. Ну, ну, такъ съ Богомъ! *(особо)* Тѣхъ, пока Марья Семеновна не появилась!

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Марья Семеновна, Варвара Андреевна и Надежда Алексѣевна.

Г-жи С в и с т у н о в а, М о р о ш к а и Т р е с к о т у х и н а. Что? что такое?

В с ъ м у ж ѣ я. Ну, всѣ нагрязнули! *(всѣ садятся въ разныхъ мѣстахъ, притворяясь глубоко разстроганными).*

В а р в а р а С е м е н о в н а. Вечеромъ на кладбищѣ! да что вы помѣшались, господа, что-ли?

Е л и з а в е т а В а с и л. Да, да. И знаете-ли отчего? отъ того, что сегодня похоронили ихъ друга Захара Кудимыча Толстякова.

В с ъ ж е н ы. Какъ? возможно-ли?!

В а р в а р а А л е к с. *(мужу)*. Такъ и ты рѣшился? Прошу покорно! да въ своемъ-ли ты умѣ, Евсей Авдѣичъ?

М о р о ш к а. Въ своемъ, Варвара Андреевна, хоть вамъ это и неприятно.

В а р в а р а А л е к с. Да вѣдь вы тамъ умрете отъ страха, Евсей Авдѣичъ.

М о р о ш к а. Ну, чтожъ? Вамъ же будетъ легче, Варвара Андреевна!

М а р ѣ я С е м е н о в н а. Что ты мнѣ ни говори, какъ ты хочешь, а я право не вѣрю, чтобъ ты такъ разчувствовался. Я знаю, ты такой холодный эгоистъ, что вѣрно ѣдешь только подурачиться.

С в и с т у н о в ъ *(притворяясь сердитымъ)*. Ахъ, матушка! ты ужь чортъ знаетъ какъ трактуетъ меня! *(отходитъ)*.

НАДЕЖДА АЛЕКСѢЕВНА. Это ужасно! Такъ и ты точно ѣдешь на могилу, дружечекъ?

ТРЕСКОТУХИНЪ. Ёду, дружечекъ, ёду.—А ты проведи вечеръ здѣсь у Елизаветы Алексѣевны, или поѣзжай домой, какъ тебѣ угодно.

ВАРВАРА АНДРѢЕВНА. Ахъ какіе вы несносные господа! Вы все дѣлаете некстати, мы только было собрались потанцовать, а вы вотъ какъ будто нарочно затѣяли ночное романическое путешествіе! Вѣрно покойникъ не просилъ васъ къ себѣ въ гости.

МОРОШКА. Варвара Андрѣевна, оставьте покойника въ покоѣ, — если вамъ это смѣшно, и если вы начинаете тревожить благородныя кости Захара Кудимыча, то мы ужь лучше уйдемъ отъ грѣха. Богъ съ вами! Александръ Алексѣевичъ! ужь смерклось.

СКАЧКОВСКІЙ. Ёду! ёду! Прощай же, мой ангель.

ЕЛИЗАВЕТА АНДРѢЕВНА. Александръ!

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Ваничка!

НАДЕЖДА АЛЕКСѢЕВНА. Саввачка!

ВАРВАРА АНДРѢЕВНА. Хорошо же, Евсей Авдѣичъ! Я вамъ это припомню.

МУЖЬЯ *(вмѣстѣ)*. Хорошо! хорошо! до радостнаго свиданія! *(уходя говорятъ про себя)*. Отдѣлались!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, кромѣ мужей, потомъ Кубышкина.

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛ. Это право ни на что непохоже.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Оставить насъ и уѣзжать къ покойнику! Вотъ нынѣшніе мужья!

ВАРВАРА АНДРѢЕВНА. И какая крайность ѣхать именно вечеромъ?

НАДЕЖДА АЛЕКС. О, моему все равно, онъ готовъ на всякую глупость, лишь бы имѣть случай сдѣлать моціонъ.

Е л и з а в е т а В а с и л И Богъ знаетъ, для чего вдругъ умеръ этотъ Захаръ Кудимычъ? (*увидя входящую Кубышкину*). Ахъ, маменька, вообразите, какое несчастіе! Захаръ Кудимычъ, о которомъ мы говорили за обѣдомъ, умеръ бѣдняжка и сегодня его ужь похоронили.

К у б ы ш к и н а. Ахъ, какъ жаль! вотъ не ожидала—дай Богъ ему царство небесное! Онъ былъ очень добрый человекъ, хорошій нашъ пріятель и все еще собирался жениться на моей двоюродной сестрѣ, а теперь—ахъ, бѣдняжка! (*одна за другою говорятъ скоро*).

В а р в а р а А н д р е е в н а. Но это все еще не бѣда; вы не знаете главнаго: мужья-то наши, послѣ его смерти съ ума сошли!

Н а д е ж д а А л е к с. Да-съ, танцы наши не состоятся.

М а р ь я С е м е н о в н а. Вы какъ будто знали, что до сихъ поръ не соглашались.

Е л и з а в е т а В а с и л. Да, маменька, мы напрасно васъ упрашивали.

К у б ы ш к и н а. Что такое? Я васъ не понимаю.

В с ѣ. Представьте, мужья наши всѣ уѣхали! На всю ночь уѣхали!

К у б ы ш к и н а. Что? что? уѣхали? Какъ, это что за новости? (*дочери*) Неужели и твой тоже?

Е л и з а в е т а В а с и л. Да, и мой уѣхалъ, такой сумасшедшій.

М а р ь я С е м е н о в н а. И мой негодяй!

Н а д е ж д а А л е к с. И мой любитель моціона!

В а р в а р а А н д р е е в н а. И мой глупый тоже!

К у б ы ш к и н а. Прошу покорно! да куда ихъ понесла нелегкая?

Ж е н ы (*вмѣстѣ*). На могилу Захара Кудимыча.

К у б ы ш к и н а. Это что за вздоръ? Зачѣмъ же вы ихъ отпустили?

Ж е н ы. Нельзя было удержать, они дали клятву.

К у б ы ш к и н а. Какую клятву? Кому?

Ж е н ы. Захару Кудимычу!

К у б ы ш к и н а. Захару Кудимычу? Да вѣдь его ужь схоронили.

Ж е н ы. Въ томъ-то и горе, что схоронили! Еслибъ онъ былъ живъ, такъ этого бы не случилось.

К у б ы ш к и н а. Ахъ, ты Господи! да что вы мнѣ всѣ какой-то вздоръ болтаете! Объясните толкомъ, что все это значить?

Н а д е ж д а А л е к с. Да это очень просто и понятно. Они всѣ дали клятву три ночи ѣздить на могилу къ покойному своему другу Захару Кудимычу.

К у б ы ш к и н а *(сердито)*. Три ночи? это зачѣмъ? Вы просто не умѣете владѣть своими мужьями! Я не знаю, когда вы научитесь, когда вы поймете эту простую науку? Я благодарю Бога, имѣла трехъ мужей и царство имъ небесное, ни одинъ про меня дурнаго слова не скажетъ. Вотъ какъ надо жить съ мужьями!

Ж е н ы. Нѣтъ, мы такъ не умѣемъ.

К у б ы ш к и н а. Ну, такъ вотъ они и дѣлаютъ съ вами что хотятъ. Экая вѣдь глупость-то поѣхать ночью на кладбище!

В с ѣ. Мы сами не знаемъ—скука смертельная!

К у б ы ш к и н а. Такъ хоть расскажите мнѣ подробнѣе о смерти этого бѣднаго Захара Кудимыча. Ахъ, Боже мой! умереть, тогда, какъ собрался жениться и жить весело, да что это съ нимъ вдругъ случилось?

Е л и з а в е т а В а с и л. Мы ничего не знаемъ! Александръ, говоритъ: что будто покойникъ ужасно мучился.

К у б ы ш к и н а. Немудрено—все думалъ вѣрно о моей двоюродной сестрѣ, бѣдняжка! Такъ ужь сегодня похоронили его?

В с ѣ. Да-съ похоронили! *(салятся по разнымъ мѣстамъ)*.

К у б ы ш к и н а. Добрый былъ человекъ! Вѣчная ему память.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣже, слуга, потомъ Захаръ Кудимычъ Толстяковъ.

С л у г а (*громко*). Барыня! пришелъ Захаръ Кудимычъ.

В с ъ (*ужаснувшись*). Ахъ!!!

С л у г а. Просить позволенія войти. (*Уходитъ*).

В с ъ. Ай—страсти!

Т о л с т я к о в ъ (*входитъ, худая блѣдная фигура, говоритъ слабо, опираясь на палку*). Добраго здоровья—съ.

В с ъ (*съ крикомъ разбѣгаются по угламъ*). Ай! ай! ай! ай! ахъ! Боже мой! Покойникъ! привидѣніе! Ахъ! дурно!

Т о л с т я к о в ъ. Удивительное дѣло! я точно возсталъ изъ мертвыхъ. И благодарю Бога! Позвольте, Татьяна Прокловна, вашу ручку—Елизавета Васильевна каково поживаете? (*бродитъ за всѣми и всѣ съ крикомъ отъ него бѣгаютъ*). Странно! Неужели я такъ измѣнился?

К у б ы ш к и н а (*издали робкимъ голосомъ*). За... Захаръ Ку... Ку... Кудимычъ, откуда вы?

Т о л с т я к о в ъ. Прямо отъ себя... съ Сѣнной, матушка.

К у б ы ш к и н а. Да, что вы! развѣ вы, точно живы?

Т о л с т я к о в ъ. Чуть живъ, матушка, но начинаю поправляться.

Ж е н ы (*вмѣстѣ*). Онъ говоритъ! слышите? слышите?

К у б ы ш к и н а. Творецъ мой! Не морочьте насъ... это не вы! мы знаемъ, что васъ нынче похоронили!

Т о л с т я к о в ъ. Помилуйте, за что? Я еще собираюсь жениться. Докторъ увѣрилъ меня, что я даже значительно потолстѣлъ.

К у б ы ш к и н а. Не знаю, что подумать? Эй! Гаврюшка! человекъ!

Ж е н ы (*вмѣстѣ*). Гаврюшка! Гаврюшка! Поди сюда!

С л у г а (*входитъ*). Здѣсь! что прикажете?

В с ъ (*кромя Толстякова*). Поговори, поговори съ ними. (*показываютъ на Толстякова*).

С л у г а (*не понимая*). Поговорить-съ? Какъ-съ? Съ кѣмъ прикажете поговорить-съ? (*Всѣ указываютъ на Толстякова*). Съ ними-съ? (*Толстякову*) Ваше благородіе... извините... что прикажете?

Ж е н ы (*другъ другу*). Говорить! говорить!

Т о л с т я к о в ъ. Скажите, что съ вами такое? Я ничего хорошенько понять не могу.

С л у г а. Я тоже, ваше благородіе.

Т о л с т я к о в ъ. Скажи, неужели я похожъ на покойника?

С л у г а (*посмотрѣвъ на него, пожимаетъ плечами*). То есть... не знаю, какъ вамъ сказать... по лицу вашему оно конечно... впрочемъ, какъ вамъ угодно... мое дѣло холопское, но, кажется, настоящіе покойники съ палочками не ходятъ.

Т о л с т я к о в ъ. Разумѣется. Да и кто умеръ, тотъ и говорить, кажется, не станетъ.

С л у г а. Конечно-съ! Ужъ послѣ смерти нечего разговаривать.

Т о л с т я к о в ъ. Такъ за что жъ онѣ меня заживо похоронили?

К у б ы ш к и н а (*смѣло подойдя*). Ахъ! такъ теперь все поняла! Они надъ нами посмѣялись! Они обманули насъ всѣхъ!

Ж е н ы (*вмѣстѣ*). Возможно-ли! Какое предательство! сказать, что умеръ!

Е л и з а в е т а В а с и л. (*Толстякову*). И знаете-ли, что мужья наши пѣли про васъ!

Т о л с т я к о в ъ. Что такое?

Е л и з а в е т а В с а и л ь е в н а.

Покойся, милый прахъ,
До радостнаго утра!

Т о л с т я к о в ъ. Какъ! я, который хочетъ жениться, приготовили эпитафію младенца? Это ужасно!

К у б ы ш к и н а. Да, да! они обманщики! измѣнники! надо ихъ отыскать, поймать и уничтожить.

Х О Р Ъ.

(Музыка таже).

О! они достойны мщенья!
Надо всѣхъ ихъ наказать,
И на мѣстѣ преступленья
Всѣхъ измѣнниковъ поймать!
О! они достойны мщенья! и проч.

(Схватываютъ Толстякова и тащутъ съ собою во внутреннюю комнату).

Дѣйствіе второе.

Театръ представляетъ богато освѣщенную залу, со многими дверями. По открытіи занавѣса слышна въ залѣ бальная музыка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Замаскированные мужчины и дамы гуляютъ попарно. Цыгушкевичъ суетится около гостей. Скачковскій и Свистуновъ, входятъ снявъ полумаски; на обоихъ накинута легкія домино.

Скачковскій. Ахъ, топ снег, какъ я счастливъ! какой миленькій балъ! какія хорошенькія дамы! надо бы узнать, кто онѣ такія?

Свистуновъ. Чудо, братецъ! а? я всѣ фигуры изучилъ почти сразу, чудныя фигуры!

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Трескотухинъ и Морошка, оба измученные бросаются въ кресла.

Морошка. Ухъ!

Трескотухинъ. Охъ!

Морошка. Немножко порастрясь горе.

Трескотухинъ. Славный моціонъ сдѣлалъ!

Свистуновъ и Скачковскій. Ну что, выучили всѣ фигуры?

Морошка. Ухъ! немножко смекнулъ.

Трескотухинъ. Охъ! полька! полька! чудо да и только! Не даромъ парижане влюбились въ нее.

Свистуновъ (*Трескотухину*). А гдѣ же твоя дама въ маскѣ?

Трескотухинъ. Тамъ... тамъ... отдыхаетъ... должно быть влюблена въ меня... все щиплется.

Скачковскій (*Морошкѣ*). Ну, а твоя?

Морошка. Тоже тамъ, гдѣ-то присѣла... только странно: она глядитъ на меня такими звѣрскими глазами, что меня такъ и деретъ по кожѣ! Охъ, боюсь сдѣлаться преступникомъ въ разсужденіи моей Варвары Алексѣевны.

Свистуновъ. Полно, трусишка! самъ выдумывалъ и научилъ насъ, какъ обмануть бѣдныхъ женъ, а теперь ужъ и раскаявается! Нѣтъ, mon cher! теперь какая бы ни вышла исторія, мы все на тебя своротимъ.

Морошка. Что вы! что вы! вотъ хорошо!

Скачковскій. Именно, именно. Впрочемъ у моего учителя, всѣ гости здѣсь ведутъ себя весьма прилично, такъ кажется шалостей никакихъ быть не можетъ.

Свистуновъ. Нѣтъ, mon cher, ужъ гдѣ маски, тамъ безъ проказъ не обойдется. Побѣгу искать свою розовую незнакомку. Она во время нашего урока все шептала мнѣ на ухо: «Ахъ, ты долженъ быть чудовище! чудовище!» а я ей: «душечка! розанчикъ! снимите маску!» просто надо съ ума сойти! (*Убѣгаетъ*).

Скачковскій. И я бѣгу ловить свою голубую красавицу! смерть хочется узнать кто она. (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Трескотухинъ и Морошка, потомъ входятъ замаскированныя Г. Кубышкина, Варвара Андрѣевна и съ ними Толстяковъ.

Трескотухинъ. Побѣжалъ бы и я за своею... да ужь больно намоціонился — впрочемъ, она не уйдетъ злодѣйка — я не позволю щипаться... я ужь ей давеча сгоряча отпустилъ такую нѣжную метафору, что она чуть-чуть въ обморокъ не упала.

Морошка. Охъ! и я передъ своею распахнулъ сердечко! сначала, она какъ будто обидѣлась, а потомъ ничего, все смѣялась надо мною. Должно быть, польскаго племени.

(Когда входятъ гости, Трескотухинъ и Морошка надѣваютъ маски).

Кубышкина *(Толстякову громко).* Ахъ, пожалуйста, скажите, какъ и гдѣ кончается ваша страшная элегія?

Толстяковъ. Очень печально — на кладбищѣ.

Варвара Андрѣевна *(ему же).* Неужели? Но какіе же эти два стиха, которые слѣдуютъ въ заключеніе всего?

Толстяковъ *(проходя мимо, говоритъ вслухъ однимъ тономъ).* А вотъ они:

Покойся, милый прахъ,
До радостнаго утра.

(Всѣ трое уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Трескотухинъ и Морошка, оба услышали и вскакиваютъ, снявъ маски.

Трескотухинъ *(посмотрѣвъ на Морошку).* Ба! Евсей Авдѣичъ!

Морошка *(также).* Савва Саввичъ!

Трескотухинъ. Слышали?

Морошка. А вы?

ТРЕСКОТУХИНЪ. Что это значить?

МОРОШКА. Не знаю!

ТРЕСКОТУХИНЪ. Да, да—чортъ возьми! насъ кто-то мистифируетъ—надо узнать. *(Уходитъ)*.

МОРОШКА. Ой-ой! ужь нѣтъ ли между нами измѣнника? Пойду и я. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Изъ противоположныхъ дверей выходятъ попарно: Свистуновъ съ Елизаветой Васильевной, Скачковскій съ Марьей Семеновной и садятся по разнымъ угламъ.

СКАЧКОВСКІЙ *(съ нѣжностію)*. Ахъ! ты просто меня съума сведешь! Скажи, отчего ты боишься снять маску.

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Я боюсь испугать васъ своимъ безобразіемъ.

СКАЧКОВСКІЙ. О! быть не можетъ! Вы очаровательны. Я увѣренъ!

СВИСТУНОВЪ *(подражая Скачковскому)*. Неужели я не стою вашей откровенности? Скажите, признайтесь, что вы обо мнѣ думаете?

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛ. Ахъ! Вы чудовище!

СВИСТУНОВЪ. А ты! ты! ты непреклонная! Снимите маску! Я умру, если вашъ взглядъ не оживитъ моего сердца!

ЕЛИЗАВЕТА ВАСИЛ. Нѣтъ! ты не умрешь, чудовище!

СВИСТУНОВЪ. Опять таки я чудовище. *(продолжая говорить тихо)*.

СКАЧКОВСКІЙ. Послушайте, неужели вы захотите уморить меня?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Непремѣнно хочу! Зачѣмъ вы обманываете вашу жену!

СКАЧКОВСКІЙ. Да почему вы думаете, что я женатъ?

МАРЬЯ СЕМЕНОВНА. Мнѣ здѣсь открылъ это одинъ изъ гостей.

Скачковскій. Нѣтъ! нѣтъ! не вѣрьте, вамъ солгали.

Свистуновъ. Неужели я такъ похожъ на чудовище?

Елизавета Васил. Очень похожи.

Свистуновъ. Это ужасно! Но скажите, чѣмъ же?

Елизавета Васил. Тѣмъ, что хотите измѣнить вашей женѣ.

Свистуновъ. Какъ женѣ? Какой женѣ? Кто вамъ сказалъ, что я женатъ?

Елизавета Васил. Одинъ изъ вашихъ друзей.

Свистуновъ. Нѣтъ, у меня ей-богу нѣтъ жены — была, да ужь давно умерла... я и самъ скоро умру, если вы не перестанете скрываться отъ меня.

Елизавета Васил. Будто вы въ состояннн умереть отъ этого? Неправда!

Свистуновъ. О! такъ вы меня не знаете. Но знайте, если я умру, такъ ужь вы будете виноваты! Я всякую ночь буду тревожить вашу совѣсть, не дамъ вамъ покоя.

Елизавета Васил. Вы мнѣ не дадите покоя? а если я найду средство успокоить грознаго покойника?

Свистуновъ. О! меня не успокоите ничѣмъ!

Елизавета Васил. Напротивъ: я только прїѣду къ вамъ ночью на могилу и скажу эти прекрасные стихи:

Покойся, милый прахъ,
До радостнаго утра.

Свистуновъ. Какъ! эти стихи... позвольте... это что то знакомое...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, Трескотухинъ съ Варварой Андрѣевной, Морошка съ Надеждой Алексѣевной и потомъ Кубышкина съ Толстяковымъ.

Морошка (*тихо своей дамѣ*). Послушайте: я каюсь, что сошелся съ вами! вы жестоки! скажите: вы русская или полька?

НАДЕЖДА АЛЕКС. А вы? женатый, или холостой?

ТРЕСКОТУХИНЪ *(своей тихо)*. Послушайте, ангельчикъ! перестаньте щипаться! Это, конечно, очень пріятно, но только вѣдь и больно!

ВАРВАРА АНДРѢВНА. А мнѣ, развѣ не больно слушать ваши нѣжности?

МОРОШКА. Скажите, кто это давеча прошелъ здѣсь съ вами?

НАДЕЖДА АЛЕКС. Это сочинитель надгробныхъ надписей; онъ клялся мнѣ, что любить меня, да не такъ холодно какъ вы, а стоя на колѣнахъ.

МОРОШКА. Охъ, да и я готовъ, только повѣрьте моей страсти! посмотрите, я при всѣхъ готовъ унижить себя передъ вами. *(Становится на колѣни)*.

ТРЕСКОТУХИНЪ *(вспрыгнувъ)*. Ой! ужъ это такъ больно, что я выхожу изъ терпѣнія! и въ наказаніе хочу васъ расцѣловать. *(Хочетъ обнять ее)*.

ВАРВАРА АНДРѢВНА. Боже васъ сохрани! за одно только это покушеніе, вы сейчасъ должны стать на колѣни и просить у меня прощеніе!

ТРЕСКОТУХИНЪ. Извольте, извольте! мое капризное нещичько! *(становится на колѣни; передъ этимъ вошли Кубышкина съ Толстяковымъ и оба смотрятъ на нихъ)*.

СВИСТУНОВЪ *(своей)*. Душечка!

СКАЧКОВСКІЙ *(своей)*. Прелесть моя!

МОРОШКА *(своей)*. Соблазнительница!

ТРЕСКОТУХИНЪ *(своей)*. Обворожительница!

КУБЫШКИНА *(громко женамъ)*. Мщеніе наступило!

ВСѢ ЖЕНЫ *(вмѣстѣ снимаютъ маски и произносятъ громогласно)*. А!! А!!

ВСѢ МУЖЬЯ *(поочередно произносятъ, узнавъ ихъ)*. Марья Семеновна!

Елизавета Васильевна!

Надежда Алексѣевна!

Варвара Андрѣевна!

(И отъ стыда закрываютъ лица руками; въ эту минуту пока мужья ничего не видятъ, каждая изъ женъ перебѣгаетъ къ своему мужу).

Т о л с т я к о в ъ *(снявъ тоже маску, произноситъ громко).*

Покойся, милый прахъ,
До радостнаго утра.

(Мужья, услыша эти стихи, взглядываютъ на дамъ и каждый съ ужасомъ узнаетъ свою жену).

С в и с т у н о в ъ. Маша!

С к а ч к о в с к і й. Лиза!

М о р о ш к а. Варя!

Т р е с к о т у х и н ъ. Надя!

Ж е н ы *(вмѣстѣ)*. Измѣнники!

М у ж ь я *(вмѣстѣ)*. Ой, ой, ой!

К у б ы ш к и н а. Мщеніе!

М о р о ш к а *(про себя)*. Охъ! какъ бы оправдаться? *(женѣ)*. Варюшка! ей-богу я не самъ! меня затащилъ сюда Александръ Ефимычъ.

С к а ч к о в с к і й. Лизанька! неправда! Это все виноватъ Морошка!

С в и с т у н о в ъ. Машенька! это не я. Морошка!

Т р е с к о т у х и н ъ. Надинька! право, Морошка!

Ж е н ы *(вмѣстѣ)*. Нѣтъ! нѣтъ! никогда не простимъ! Никогда! измѣнники! *(начинаютъ плакать)*.

Т о л с т я к о в ъ *(однимъ тономъ)*. Похоронить заживо человека, который напротивъ всталъ изъ мертвыхъ, собрался жениться и даже потолстѣлъ!

М у ж ь я *(вмѣстѣ)*. Захаръ Кудимычъ! *(обнимая его)*. Ты воскресъ! Слава Богу! *(тихо ему)* Не умори насъ пожалуйста! выручи!

Т о л с т я к о в ъ *(тихо)*. Ну, ну, хорошо, ужь такъ и быть. *(женщинамъ вслухъ)* Милостивыя государыни! коли пошло на правду, такъ вы должны не плакать, а радоваться они не виноваты.

Ж е н ы и К у б ы ш к и н а (*вмѣстѣ*). Какъ! что вы говорите?

Т о л с т ы к о в ъ. Они знали, что я не умираю, знали, что вамъ хотѣлось поплясать и устроили у танцевальнаго учителя этотъ балъ именно для того, чтобы затащить васъ сюда для изученія польки.

М у ж ь я (*вмѣстѣ*). Да, да, да; это была наша хитрость, а вы и не догадались? ха, ха, ха! Это презабавно! Какова мистификація! ха, ха, ха!

Ж е н ы (*вмѣстѣ*). Какъ, что такое?

С к а ч к о в с к і й. Да просто во всемъ виновата Татьяна Прокловна!

М у ж ь я. Да! все, все, Татьяна Прокловна!

К у б ы ш к и н а. Что? я виновата?

С к а ч к о в с к і й. Да, сударыня! Мы съ женой молоды и хотимъ веселиться, друзья мои также, а какъ вы изъ скудости не позволяли этого дома, такъ мы любя своихъ женъ устроили для нихъ этотъ балъ у моего учителя.

Ж е н ы (*обрадовавшись вмѣстѣ*). Возможно-ли? (*каждая своему мужу*). Ахъ, какъ ты милъ! какъ ты добръ, душа моя!

М у ж ь я (*громко*). Ура! теперь начнемъ веселиться!

В с ѣ. Да, да, начнемте сейчасъ-же—мы такъ веселы! довольны! Польку! Польку!

рек.